

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЕ

Уральская поэзия рубежа XX-XXI вв: динамика жанров и стилей
(материалы к элективному курсу литературы родного края)

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.04.01 Педагогическое образование

Направленность программы магистратуры

«Филологическое образование»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:

73,64 % авторского текста

Работа _____ к защите
рекомендована/не рекомендована

« до сентября 2022 г.

зав. кафедрой литературы и МОЛ
(название кафедры)

Т.Н. Маркова Маркова Т.Н.

Выполнила:

Студент группы ЗФ-215-205-2-1
Стоцкая Юлия Валерьевна

Научный руководитель:

д-р филол. наук, профессор
Маркова Татьяна Николаевна

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА	6
1.1 «Я знаю завод с котлована, с палатки»: творческий путь Б. А. Ручьева.	6
1.2 «Гляжу на мир влюбленными глазами»: творчество М. М. Люгарина	11
1.3 В поиске «сокровенного слова»: творческий путь	
Л. К. Татьяничевой.....	15
ГЛАВА 2. УРАЛЬСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РУБЕЖА XX-XXI ВВ.....	20
2.1 «Провинциальная литературная схема как жест свободы»: Культуртрегерский проект В. О. Кальпиди	20
2.2 «Пермь как текст»: мозаика пермских поэтов	35
2.3 «Я всех любил. Без дураков»: творчество Б. Рыжего.....	40
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Конец одной эпохи и начало другой – повод для рефлексии в любой науке, особенно в литературоведении, когда границы временной шкалы расставлены, а смыслы и творческие идеи только набирают обороты.

На рубеже XX-XXI вв. литература критически воспринимает опыт предыдущих поколений, стремясь придать новые формы жанровому своеобразию поэзии. Девальвация культурных ценностей, переосмысление опыта предыдущих поколений приводит авторов к поиску новых героев, тем, образов, жанров и стилей.

Полифонию отечественной поэзии невозможно считать полноценной без «голосов регионов», столь далеких от Москвы и Санкт-Петербурга. В региональной литературе также отражен социокультурный процесс, отвечающий современному ритму жизни.

Уральская поэтическая школа возникла как социокультурный проект, попытка смоделировать представление об уральском поэтическом пространстве, построить и структурировать литературное поле, объединяющее авторов разных поколений и эстетических воззрений. На Урале много людей пишущих: и прозаики, и поэты, и драматурги. Здесь выделяются авторы, создающие качественные тексты, имея собственные представления о словесности.

Актуальность выбранной темы связана с недостаточной систематизацией материала и обозначением преемственности уральских поэтов. Несмотря на большой интерес к представителям уральской поэзии, наличие их имен и работ в премиальных списках, лонг/шорт листах, их творчество изучено неравномерно. При исследовании поэтических особенностей не всегда учитывается динамика жанров и стилей.

Цель исследования. Изучить динамику жанров и стилей представителей уральской поэзии рубежа XX-XXI вв.

К достижению названной цели ведет решение следующих задач:

- определить круг уральских поэтов рубежа XX-XXI вв.;
- исследовать жанровое своеобразие произведений уральских поэтов;
- выявить стилевые особенности произведений уральских поэтов.

Методологическая и теоретическая база исследования:

В работе использованы научные труды Л. П. Гальцевой, которая занималась изучением региональной литературы Урала, посвящала свои статьи влиянию российских поэтов и писателей на представителей уральской литературы, монография о Татьянической и научные статьи Т. Н. Марковой, посвященные антологии «Современная уральская поэзия», а также творческой рецепции советской классической поэзии; статьи М. Загидуллиной о религиозно-поэтическом мышлении представителей УПШ, Д. Кузьмина об эстетике и поэтике УПШ, Н. Болдырева об уральском «поэтическом» треугольнике, Ю. Казарина о творчестве Б. Рыжего, Ю. Подлубновой о превращении феномена уральской поэтической школы в уральское поэтическое движение, материалы Д. Давыдова об особенностях видеопэзии и др.

Методология исследования. Для того, чтобы выявить и описать жанровую и стилевую динамику текстов уральских поэтов, в работе использован описательный метод, ориентированный преимущественно на анализ конкретных текстов с целью выявить стилистические особенности произведений уральских поэтов. Также используется культурно-исторический метод, который позволяет понять тексты поэтов и найти связь со временем и эпохой, сравнительно-исторический метод, а значит, компаративистский подход.

Объект исследования – уральская поэзия рубежа XX-XXI вв.

Предмет исследования – своеобразие жанров и стилей поэтов Урала.

Структура работы обусловлена поставленными целью и задачами, содержит введение, две главы, представляющие обзор и анализ творчества

поэтов Урала рубежа XX-XXI вв., заключение, список используемой литературы, насчитывающий 55 наименований.

В первой главе представлено творчество классиков уральской поэзии – Б. А. Ручьева, М. М. Люгарина, Л. К. Татьянической.

Во второй главе рассматривается творчество представителей Уральской поэтической школы, таких как В. О. Кальпиди, Е. Тиновская, М. Кротова, Н. Ягодинцева, И. Аргутина, Б. Рыжий, О. Роленгоф, А. Решетов, И. Козлов, Ю. Асланьян, Ю. Беликов, А. Бахарев-Черненко и др.

ГЛАВА 1. СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ УРАЛА

1.1 «Я знаю завод с котлована, с палатки»: творческий путь

Б. А. Ручьева

Борис Александрович Ручьев (Кривошеков) родился 15 июня 1913 года. «Так записано в копии метрической выписки, - сообщил поэт одному из своих корреспондентов А. А. Поликанову.» Исходя из этого документа, местом рождения является станица Еткульская, Челябинской области. В действительности поэт родился в Троицке... [9]. Дети в семье росли в атмосфере народных приданий, песен. Об этой ранней поре своей жизни Ручьев напишет в поэме «Прощанье с юностью» (1943-1959 гг.):

Рожденный при царе, крещен в купели
В дому столетнем прадедов своих,
Где входят в кровь, как воздух, с колыбели, -
Желания, повадки, сказки их;
Где по ночам – мы жались первым страхом –
Выл домовой, Яга стучалась в дом,
Змей пролетал над крышей и с размаху
Хлестал по окнам огненным хвостом;
Где нам, мальчишкам, бабки нагадали:
По золотым жар-птицыным следам
За самым верным счастьем рваться в дали
К премудрым людям, к дивным городам;
Людские притчи помнить слово в слово,
Пройти всю землю вдоль и поперек,
Добыть в бою – из золота литого
Заветный, непродажный перстенок [9].

Любовь к фольклору Борис Ручьев пронес через всю свою жизнь, выразив его интонации, темы, мотивы и образы в творчестве, что является характерной особенностью его поэтической манеры.

Осенью 1928 г. в газете «Красный Курган» появились стихи Ручьева-школьника. Его ранние работы «На озере», «В школе», «О субботнике», «Граммофон», «Зима» были написаны на занятиях «Литературных четвергов».

Приехав на строительство Магнитки, будущий поэт возводил плотину через реку Урал, работал бетонщиком, землекопом, плотником, участвовал в сооружении первых домен.

При редакции газеты «Магнитогорский рабочий» образовался литературный кружок «Буксир», который возглавил поэт Василий Макаров. Здесь, у подножия Магнит-горы, начинается творческий путь Б. А. Ручьева.

Первая книга поэта, вышедшая в 1933 г., называлась «Вторая родина». Ее лирическим героем стал молодой рабочий Магнитостроя, в прошлом крестьянин, в котором отразилась судьба целого поколения. Он без сожаления покинул «первую родину» – деревню, где осталась любимая девушка, «друговой гармоники песенный узор», и «золотые полосы с недозрелой рожью». Поэт не романтизирует образ крестьянина-батрака, описывая «хаты собственной гнилье», а с надеждой глядит в будущее, где примет его «златогорый» город:

Принимай парнишку с синими глазами,
Город дымноструйный, в ремесло свое![10].

В 1935 году поэт поступает на заочное отделение Литературного института, а с середины 30-х годов живет и работает в Свердловске, Челябинске, Златоусте. Он сближается с П. Бажовым, Б. Горбатовым, Н. Куштым, В. Губаревым, К. Реутом. В это время создаются лирические циклы: «Открытие мира», «Соловьиная пора», «Девушки-подружки».

Герой Б. А. Ручьева планирует превратить Магнитку в цветущий сад:
Обнесу заречный сад
Кругом крашенных оград,
Рассажу по тонким веткам,

Будто пьяных, соловьят.
Сад завьется, заплетется,
Через тридцать пять годов -
Сколько листьев встрепенется,
Столько свиснет соловьев [37]...

По клеветническим наветам Б. А. Ручьев в декабре 1937 года был репрессирован и оказался вдали от Урала, друзей и родины. Поэт замолчал на четыре года.

Эхо Великой Отечественной войны долетело до тайги, зимой 1942 появились «Стихи о далеких битвах». Тема войны, желание встать в строй на защиту Родины звучат в этих стихах:

...Но далеко колышутся знамена,
Друзья мои идут в смертельный бой...
И в чутких снах долины Оймякона
Отгул боев я слышу над собой.
И в нетерпенье, радостей не зная,
Все жду я, сокол, скованный кольцом, -
Когда же мне страна моя родная
Прикажет встать и назовет бойцом [38].

В изгнании была создана одна из знаменитых поэм Бориса Ручьева «Прощание с юностью». Она воспеваает стойкость и непоколебимость человеческого духа перед трудными испытаниями:

И как солдаты после битв живые,
Испытанные болью огневой,
Пройдя все испытанья силовые,
Мы возвратились в вечный город свой [39].

В Магнитогорск поэт возвращается в 1957 году, когда он был реабилитирован и восстановлен во всех утраченных ранее правах. В это же время Б. Ручьев принимается за работу над поэмой «Любава». Готовя к изданию поэму, автор писал поэту Дмитрию Ковалеву: «Любава»...

оказалась в поэме символом («деревенская наша душа»). А ведь в ту пору... душа-то у русского мужика раскололась надвое между городом и деревней... Чем тогдашний город был чужд деревенскому сердцу? Я объяснил это образом Любавы. И настоящий героизм многих тогдашних Егоров заключался не в том, что они жили в бараках, ели хлеб да кашу, мерзли, работали до упаду, а в том, что, открывая для себя настоящую жизнь, рвались к ней, находили в душе своей силы переоценить старые ценности... Дело-то ведь в том, что они делали это, преодолевая в самих себе и Любавино отношение к городу, безусловно знакомое им. Поэтому и «деревенская наша душа» [9].

Романтический пафос поэмы Ручьева зиждется на глубоком знании конкретного материала – жизненной и исторической обстановки в стране. Поэт получил возможность в произведении раскрыть свое «я», внутренний мир своих героев, преодолевающих быт и повседневность, открывающих новизну жизни, человеческих отношений, открывающих в себе новые душевные качества.

«...Разве последние строки, – пишет далее Ручьев, – могут свидетельствовать о какой-то трагедии? Любава ушла, захватив все свое «имущество», бросив только «драное» платье, да сорвав крестик, как бы подтверждение того, что она не хуже других и в сущности не божья раба, а вольный человек, сумевший порвать цепи, раз они не помогают жить, а только мешают ей. И разве бригада не понимает, что в Любаве проснулась настоящая гордость, чувство большой человеческой независимости... Здесь и начинается та большая духовная жизнь моих героев, простых рабочих людей, считавшихся раньше очень примитивными, не заслуживающими внимания лириков» [9].

Вторая книга Б. А. Ручьева «Лирика» вышла в 1958 году, в которую вошли произведения 30-х и 40-х годов, а также три главы новой поэмы «Индустриальная история». Над ней поэт работал с 1957 года.

Главным принципом поэзии Ручьев считал понятность: «Произведение должно быть чистым и прозрачным по смыслу до самого дна, никакой мути» [9]. Его работы лишены подтекстов, которые могут привести к ошибочному восприятию идей автора.

Годы, проведенные в ссылке, не прошли бесследно для здоровья поэта, а последние годы жизни принесли Б. А. Ручьеву всесоюзную славу и любовь читателей, стихотворения переводились на другие языки. Также поэт публиковал критические заметки в «Литературной газете» под псевдонимом К. Васильев, отслеживая книги земляков-уральцев.

Одним из показателей признания поэзии Б. Ручьева можно считать включение его стихотворений в сборник «Строфы века. Антология русской поэзии», составленный Евгением Евтушенко и опубликованный в 1999 году. В 2007 году в книжной серии «Литература Магнитки. Избранное» вышел сборник избранных стихотворений поэта. Поэзия строителя Магнитки увековечена в памятнике «Первая палатка», являющимся символом города Магнитогорска:

Мы жили в палатке с зеленым оконцем,
Промытой дождями, просушенной солнцем,
Да жгли у дверей золотые костры
На рыжих камнях Магнитной горы [37].

Коллективный труд на Магнитострое днем и поэтический – ночью зиждился на великом энтузиазме, опирался на дружбу, и нашел отражение в творчестве другого уральского поэта – М. М. Люгарина:

...Невозможно при такой работе
Обойтись без песни и стиха!
И тогда, склонившись над тетрадкой,
На исходе яростного дня
Строчками про первую палатку
Друг мой подзадоривал меня... [29]

1.2 «Гляжу на мир влюбленными глазами»: творчество

М. М. Люгарина

Михаил Михайлович Люгарин (Заболотный) родился 16 июня 1908 г. в селе Святодуховка. В сельской школе окончил четыре класса, работал пахарем и подпаском с семи лет. Стихотворения он писал с детства под псевдонимом Люгарин. Деревня, земля, природа – темы, которые Заболотный пронес через весь свой творческий путь.

Приехав на строительство Магнитостроя в 1930 году, Заболотный работал землекопом, плотником, бетонщиком, активно занимаясь самообразованием. В это же время произошла его первая публикация в газете «Магнитогорский рабочий».

Образ рабочего-крестьянина отражен в стихотворениях М. М. Люгарина начала 30-х годов:

Курю папиросы пачками,
Но часто в крестьянском бреду
Толкаю с цементом тачку, –
А вроде б за плугом иду. [30]

Стихотворение-миниатюра представляет собой бытовую зарисовку, где поэт задается вопросом самоопределения: он рабочий-строитель или крестьянин-землепашец?

В стихотворении «Слово комсомолу» (1931г.) образ «задумывающегося крестьянина» углублен. Поэт противопоставляет «деревенскую сонь», которая была глухим, заброшенным колодцем под вечным небом темно-голубым» «грохочущей столице», не отрекаясь от деревни-родины, но стремясь к новой, бьющей ключом жизни. Стремясь к знаниям, лирический герой размышляет над крестьянским заветом: «с неграмотного меньше спрос» и склоняется в пользу прогресса: «и понял я: пора оставить жмурки, над старой песней забиваю кол».

В стихотворении «Скучно мне бывает, крестьянину» поэтика природы сравнивается с поэтикой труда: «как чайки, циркулярки поют в руках», «запестрели васильками гвозди, как цветы». Поэт рассматривал труд как бой, как сражение за новую жизнь:

Нет, не напрасно говорят:
Рождается большое в малом.
И плох, конечно, тот солдат,
Что стать не хочет генералом.
Нас не прельщали ордена,
Не украшали грудь медали.
Металл...
Металла ждет страна –
Святей-святых мы это знали.
И мы работали до звезд,
И надрывали тачкой спину,
Но, – будто в будущее мост, –
Воздвигли первую плотину!... [30]

В 1931 году стихотворения Михаила Михайловича были опубликованы в коллективных сборниках рабочих писателей «Весна Магнитостроя» и «Рождение чугуна».

М. М. Люгарин часто посещал поэтические семинары в Свердловске, слушал малеевские курсы молодых авторов, а в 1934 году стал членом Союза писателей СССР.

В 1937 году поэт был арестован по необоснованному обвинению. Следствие длилось два с половиной года, и в 1940 году М. М. Люгарина приговорили к трем годам ИТЛ (исправительный трудовой лагерь) и сослали в одну из гулаговских зон Урала. После отбытия срока заключения в 1940 году был выслан в Кустанайскую область.

Поэт был участником Великой Отечественной войны и награжден Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945»

гг.». Тема войны отражена в стихотворении, посвященном поэту М. Львову: «У мороза – валенки со скрипом» (1946г.):

...Про меня известно всей родне:

Был в атаках,

Воевал в Берлине,

Чтоб другим не думать о войне... [30]

Тема трудового тыла раскрыта в стихотворении «Наша сталь»:

...Сталь Магнитки,

О, какая сила!..

Шла война,

Нам не забыть о ней.

Наша сталь

Своим огнем косила

Полчища

Фашистских палачей.

Мы за Родину

Стояли грудью.

Над Магниткой дым был – не мираж!

Каждый третий выстрел из орудий –

Так и запишите –

Был он наш!... [31]

В 1947 году поэт был вновь репрессирован и выслан в лагерь Норильска, вследствие чего на свет появились стихотворения: «О, вьюга», «У вас – весна, в цвету боярка», «Опять всю ночь шумела вьюга»

Несмотря на активную поэтическую деятельность, первый сборник «Возвращение к незабудкам» был опубликован в 1962 году, М. Люгарин посвятил его «Вечному другу – брату поэту Борису Александровичу Ручьеву».

Стихотворный цикл «Возвращение к незабудкам» основан на личной биографии и состоит из пяти частей, в которых раскрывается тема родины

и исторического прошлого. В нем прослеживается мотив воспоминаний об отце, матери, доме. В первой и третьей частях лирический герой сам автор, а во второй и четвертой функцию героя стихотворения несет образ матери поэта. В заключительной части цикла образ поезда «с зелеными огнями», уходящего вдаль, представляется как жизнь, идущая вперед, то есть в будущее, а цветы на могиле отца – торжество жизни над смертью.

После вышли книги: «Бег неукротимый» (1966 г.), «Новолунье» и «Приволье» (1968 г.), «Любовь заветная» (1971 г.), «Лирика моих лет» (1975 г.), «Раздумье над судьбой» (1977 г.), «Судьбы моей основа» (1983 г.).

В 1970 году поэт вернулся в Магнитогорск, где и продолжил свое творчество: к 70-летию со дня Октябрьской революции была закончена поэма «Жена комиссара». Газета «Магнитострой» опубликовала отрывки из лирической повести «В дороге».

Особенность уральской поэзии XX века заключается не только в романтизации труда, как смысла жизни, а в том, что сам регион, представляя собой промышленное сердце страны, остается одним из красивейших мест планеты. Л. К. Татьяничева сумела передать свою любовь к родине в стихотворении «Урал»:

... В лугах,
На ковровых просторах,
Среди плодоносных полей
Лежат голубые озёра
Осколками древних морей...
Люблю я огонь созиданья
В суровой его красоте,
...Мартенов и домен дыханье
И ветер больших скоростей.
Мне дороги лица простые
И руки, что плавят металл.

... Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал. [52]

1.3 В поиске «сокровенного слова»: творческий путь

Л. К. Татьянической

Людмила Константиновна Татьяническая родилась 19 декабря 1915 года в небольшом среднерусском городке Ардатове. Осиротев в 1926 г., переехала к родственникам отца на Урал. Окончив школу, устроилась работать на вагоностроительный завод токарем.

Стихи писать начала рано. Поэтическому мироощущению юной Татьянической народная песенная стихия оказалась близка. Трепет гордого сердца девушки-героини – главный мотив раннего творчества поэтессы: «Подари мне шелковый платок», «Шарф и платье выглажу», «Не тропой уйду – сторонкой», «Я дорогу проторю» и др.

В 1934 г., оставив учебу в институте, уехала на строительство Магнитогорска. «Возможно, я могла бы стать неплохим инженером, если бы иная страсть, иные стремления не заставили бросить на полпути учебу и уехать на знаменитую стройку у горы Магнитной. Мне казалось, что именно там, на Магнитострое, я смогу стать поэтом и напишу стихи, нужные людям» [58]. Переехав в Магнитогорск, Л. К. Татьяническая выступала под псевдонимом Фиолетова, примкнув к «Буксиру» в составе Б. А. Ручьева, М. М. Люгарина, А. Ворошилова, А. Панфилова и др.

В поэзию Магнитки 1930-х годов стихи Людмилы Татьянической внесли мягкую, теплую эмоциональную струю, в них попытка проникновения во внутреннее состояние современников, в частности, женщины. Природа и труд, радость и страдания любви, семья, материнство – находятся в сфере внимания поэтессы, но все традиционные темы окрашены особым колоритом эпохи и конкретным колоритом уральского края. Интимный мир лирической героини Татьянической не выглядит камерным, он заполнен высокими помыслами и переживаниями.

Мотивы ее творчества созвучны общему пафосу строительства и преобразования. Именно это качество понималось Татьянической как сущность нового мироощущения. Будучи сотрудником редакции газеты «Магнитогорский рабочий», она не раз выступала с критическими статьями по вопросам литературы и искусства. [32, с.25]

Первый поэтический сборник Л. К. Татьянической вышел в 1944 году под названием «Верность» и состоял из четырех циклов: «Магнитка», «Мы не простим!», «Ярославна», «Лирические миниатюры», соединенных между собой эпиграфами.

Тема трудового тыла отражена в стихотворении «Мастер»:

...Вот он стоит, старик-ведун,

И смотрит в круг оконца:

Уральской выплавки чугуна

Лавиной мести льется.

Седоволос, угрюм, кряжист,

Металл ему подвластен.

Он сыновьям спасает жизнь,

Магнитогорский мастер [51].

Уральский богатырь-рудознавец, заслуживающий трудом почет и славу, открывает галерею портретов уральских рабочих в поэзии Л. К. Татьянической. Образ мастера принимает обобщенно-символический смысл.

Вторая поэтическая книга Татьянической под названием «Стихи» выходит в 1945г. В нем тема раскрывается тема прославления родного края. Программным в сборнике является стихотворение «Когда говорят о России».

К концу 1950-х годов Татьяническая завоевывает заслуженное признание читателей. Б. Пастернак отмечал: «Вот попались стихи из Челябинска. Кажется, Татьяническая. Очень в форме сделано, ничего лишнего. Мне нравится такая каллиграфия» [34].

В эти годы в поэзии Татьяничевой происходит окончательное становление ее героя, определяющие черты характера которого: высокая гуманность, гражданственность и трепетный поиск каких-то потаенных, «неуютных», но высших ценностей. Свойственная ранее суровая, мужественная интонация обогащается настроением взволнованности, трепетности эмоций и самоуглубления. Не все стихи написаны на таком уровне, но к нему стремился их автор.

Серьезную заявку на зрелое творчество Татьяничева делает в стихотворении «Колодцы», открывающем сборник «Время теплых дождей» (1963г.). Здесь образно формируется авторская эстетическая программа. Сердце поэта – глубинный источник с чистотой, родниковой водой, которая, если ее не брать из колодца, покрывается тиной: «Берите же воду, Берите! Несите прозрачную в дом! Веселые ведра, Звените В наполненном сердце моем!» [48]. В своеобразном восприятии природной гармонии черпает поэтесса яркие ассоциации для раскрытия внутреннего мира художника. Здесь заключен плодотворный и характерный для того времени опыт, классически проявленный в поэзии Н. Заболоцкого, А. Прокофьева, Л. Мартынова. Татьяничева нашла свой, особый «срез» земного бытия, неповторимые, ею открытые соответствия и тона, смело укрупнила мир оригинальных и содержательных ассоциаций.

Так, в стихотворении «Круги» рассказ о прозаическом старушечьем занятии – вязании половичков – начинается в спокойном тоне повествование о привычном, незначительном. Со строк: «скромного узора пестрота исполнена и смысла, и значения» – начинается перелом в мироотражении. Перед глазами читателя проходит жизнь женщины. Цветовой спектр стиха несет психологически емкое содержание: радостный, ликующий красный, спокойные голубой и белый, траурный черный, – последний достигает предельного накала «с истошным криком вести похоронной». Финал стихотворения как будто вновь обращен к исходной сюжетной позиции, а она на самом деле являет собой еще один

уровень наблюдений, на сей раз общечеловеческого звучания, заставляющий глубоко задуматься о ценности простой судьбы скромного человека на пороге смерти:

Старуха вяжет медленно и строго.

Расходятся судьбы ее круги,

Сужаясь,

Словно зимняя дорога... [49].

Конец шестидесятых, семидесятые годы отмечены резким возрастанием литературного и общественного интереса к рабочей теме. Свое понимание поэсса выразила в стихотворении «Рабочая тема». Труд, ставший для Татьяничевой основной поэтической концепцией действительности, понимается ею как категория нравственная.

В жанровом отношении Татьяничева всегда тяготела, а в 1970-е годы отдает явное предпочтение лаконичным, концентрированным формам лирических медитаций, исчерпывающим замысел в малом объеме. Отталкиваясь от предмета, факта, явления природы или жизни, на этой базе она строит мыслемкое лирическое стихотворение, в котором сама поэтическая мысль возникает под решающим воздействием впечатлений, полученных от внешнего, объективного мира.

Лирическое стихотворение может строиться на сюжетной основе, определенной жизненной ситуации, часто лично пережитой, глубоко прочувствованной. Такое стихотворение всегда содержит повествовательный элемент, некоторый балладный оттенок. Повествование может быть развернутым, как, например, в «Балладе о доброте». Детская память навечно запечатлела подробности горького, страшного дня похорон матери: заснеженное поле, старенькие дороги, дешевый гроб, могильный холмик, ствол рябинки, обвязанный для приметы цветным платком, шарф, которым укутал сироту возница-татарин. Эта последняя деталь приобретает характер символа:

...Шарф из серого

Козьего пуха
Меня добрым теплом
Одарил [47].

С другой стороны, сюжетная ситуация может быть только намеченной, указанной как в миниатюре «Припомнишь». Нет развернутого повествования, запечатлен всего лишь эпизод, даже кадр большой войны, а образ сразу получает силу обобщения: ключевая вода становится живой водой, чистой, незамутненной, но горькой, как детская слеза.

Нередко лирические раздумья Татьяничевой представляют афористические высказывания, почти лишенные пластической динамики. Как правило, такие стихи связаны с углублением в морально-психологические понятия: «Искренность», «Большая воля», «Непреклонность», «Гордые».

Имена талантливых поэтов мы зачастую связываем с той или иной областью, краем нашей необъятной родины. Эта связь особенно отчетливо проявляется в индивидуальной образной системе. Суровая, величественная красота Уральских гор, крутая прямизна устремленных в поднебесье корабельных сосен, незамутненность, чистота и прозрачность горных рек и озер с Юных лет вошли в самую плоть и кровь поэзии Людмилы Татьяничевой. Мужественная и прекрасная горно-таежная земля напитала ее силой, одарила неповторимыми, незаемными красками.

Традиции советской уральской поэзии в 1980-е продолжают Н. Година, О. Павлов, Н. Ягодинцева и др.

Новые тенденции обозначены так называемой Уральской поэтической школой.

ГЛАВА 2. УРАЛЬСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РУБЕЖА XX-XXI ВВ.

2.1 «Провинциальная литературная схема как жест свободы»:

Культуртрегерский проект В. О. Кальпиди

Виктор Олегович Кальпиди – родился 18 мая 1957 года в Челябинске. Окончив школу в родном городе, будущий поэт переехал в Пермь, где вместе с В. Дрожащих и П. Печенкиным работал над созданием видео-поэмы «В тени Кадриорга».

Новый поэтический жанр представлял собой синтез текста с изображением, в котором в отличие от кинофильма главную роль играет поэзия. Визуальные образы, сопровождающие авторское слово помогают осмыслить произведение. Это был первый в СССР пример полноценного поэтического видео-арта. Поэма с успехом демонстрировалась в Перми и Москве (в студии Кирилла Ковальджи).

В Перми поэт знакомится с Э. Суховым, Н. Горлановой, В. Смирновым, Ю. Чернышевым, Т. Долматовой, Т. Гончаровой, В. Абашевым, В. Остапенко, М. Спалле, А. Безукладниковым. Дружеский круг помогает Кальпиди выстоять в среде, где каждая строчка поэта находит не отклик, а сопротивление со стороны официальных писательских организаций. Автор продолжает опыты по созданию образцов «синтетического искусства»

По Кальпиди синтетическое искусство – произведение искусства, созданное самим поэтом на основе своих собственных стихов с привлечением иных жанров, главным образом визуальных, помогающих осмыслить слова автора [12].

До 1987 г. стихотворения В. О. Кальпиди были переведены и опубликованы в Болгарии, Сербии, Финляндии, но в СССР не печатались. Его первая публикация состоялась в журнале «Урал» и была признана лучшей поэтической публикацией журнала. После «Уральского» признания, стихотворения вышли в печать в Москве, Риге, Ленинграде.

В 1980-1990-х гг. поэт становится лидером среди представителей уральского литературного андеграунда, автором и вдохновителем ряда масштабных литературных акций, организатором пермского городского Клуба поэзии, инициатором издания книг неофициальных уральских авторов (серия «Классики пермской поэзии»). В 1990 г. выходит две книги поэта: «Пласты» и «Аутсайдеры-2».

В ранних поэтических работах доминантой творчества поэта становится мифологизация пространства, которая разрабатывается в дальнейшем: травестирование классических форм и сюжетов мифа и конструирование новой реальности из семантических первоэлементов мифологического языка. В книгах стихов, относящихся к «Пермскому циклу», Пермь является основной темой и объектом мифологизации.

...Я был всегда, а город родился.

Я не успел моргнуть, а он – стоит:

в дома, в купюры, в трубы нарядился,
плывет себе Пермь-чудо-юдо-кит [16].

...Это – Пермь. А дальше – больше (будет меньше разговоров),

Козырек карниза двинет на меня входная дверь.

Кто сегодня рыжей ночью мне покажет волчий норы? –

Косоногая сатрапка, бабка, бросившая внуков, – атропиновая Пермь
[21]

Образ Челябинска периодически встраивается в контекст жизнетворчества как ностальгический город детства, «потерянный рай» лирического героя, нового Улисса:

...Двойною слезой занавешен от певчего Улисс:

он вспомнил Итаку. Итак, завершается миф.

На улице лисы поземки в спирали свернулись,

зима отдыхает, как глыбу вкативший Сизиф.

Пусть лимфа воды за три тысячи лет до прогулки

сынули в Челябине хранит мальчуганов с Арго.

Пусть бурым вином наполняются рыжие кубки –
за круглое небо! – которое выше всего [22].

...Это – Челябинка моя, сорная или прямая.

(Скоро циклоном рыгнет лопнувший горлом Гольфстрим.)

Май еще так далеко, но мы дотянем до мая,
если не сгинем в огне или в снегу не сгорим [20].

В 1993-1994 гг. при поддержке В. О. Кальпиди выпускаются поэтические книги молодых уральских поэтов из Перми, Челябинска, Екатеринбургa, Уфы с пометкой: продаже не подлежит, распространяется бесплатно. Завершением этой акции стал первый фестиваль современной уральской поэзии, проведенный в Перми.

В 1995 - 1997 гг. поэт с В. Абашевым занимается изданием журнала «Несовременные записки», ориентированным на литературный треугольник Урала: Пермь, Екатеринбург, Челябинск.

С 1993 по 2001 г. Кальпиди каждые два года выпускает новую авторскую книгу стихов: «Пятая книга» (Пермь, 1993г.), «Вирши для А. М.» (Пермь, 1993г.), «Мерцание» (Пермь, 1995г.), «Ресницы» (СПб., 1998г.), «Запахи стыда» (Челябинск, 1999г.), «Хакер» (Челябинск, 2001г.), многие из которых отмечены литературным сообществом.

Книга «Мерцание» признана авторитетными критиками одной из лучших книг года. В приведенном отрывке стихотворения «О, сад» представлен поэтический образ, в котором нет раздвоения на «реальное» и «иллюзорное», «прямое» и переносное», но есть непрерывность перехода от одного к другому:

О, хорошо в саду моих
возвышенных обид
на этот мир, что на двоих
таинственно накрыт,
сесть в одиночку и цедить
смородиновый чай

и за полевками следить,
повымершими, чай.
Сад изумительных обид,
печаловый мой сад,
жуками жуткими набит
и осами усат...
...О сад – обида и тоска,
обида и тоска –
построен на сухом песке
из влажного песка [18]...

Образ, который сложно разделить на составляющие, на прямое и переносное значение, на оригинал и подобие – гибрид метафоры и метаморфозы, который М. Эпштейн называл «метаболей» (в переводе с греч. «перемещение», «превращение», «поворот»). Использование метаболей позволяет поэту изобразить реальность в единстве и взаимопроникновении совершенно разных предметов и явлений.

Сборник «Ресницы» – лауреат премии Академии современной российской словесности. В отличие от других книг поэта, «Ресницы» почти каждым стихотворением говорят с читателем о смерти:

...Нас настигает жизнь, когда мы умираем,
и взглядом, и рукой мы раздвигаем смерть
и смотрим на себя, и безупречно таем,
и продолжаем петь.
И рушится трава, и птицы исчезают,
и дети голоса, и рушится трава,
и духа серебро торжественно пылает
в тисках несеребра [17].

При этом жизнь и смерть вовсе не противостоят друг другу, а наоборот, одно состояние способно породить другое, стоит лишь приложить усилие:

...Смерть победит, когда бессмертье
нас насмерть пригвоздит к земле ... [25]

...Ты всё-таки умер. И тайна твоя
молчит над землёю да так откровенно,
что жить начинает от страха земля... [14]

Прерывистость времени и пространства сродни взгляду сквозь
ресницы, когда пунктир из видимых зон и темных пятен осуществляет
страшную метаморфозу: размывает образ мужчины, превращая его в
женщину:

...Мужчина – это женщина, когда
она перестает любить мужчину –
ты расшифруешь эту чертовщину,
пока течёт недлинная вода?... [19]

В книге «Запахи стыда» поэт мифологизирует пространство
Челябинска. Кальпиди создает свой неомиф, обыгрывая сюжеты
древнегреческих мифов: «Слепой фрагмент Полифема» [15], Мнемозина,
как память мира, связана с тайнами, которые «в тонкие затылки нам
повадились дышать» [23].

Автор выстраивает доверительные отношения с читателем в поэме
«Вампиры позорной Челябы», становится одновременно рассказчиком и
героем своего произведения. Вампиры в поэме выступают в качестве
санитаров, оказывая помощь древнему хтоническому существу-
Челябинску, превращая хаос в упорядоченное пространство. Их задача
придать голос городскому пространству:

Замечу в скобках, но зато
я сами скобки не замечу:
вампиры в розовых пальто
там появляются под вечер...
Я знаю кое-что про них:
что одному уже – за тридцать,

во-первых. Знаю, во-вторых,
что их блистающие лица
не будут, в-третьих, нам нужны
для розыска убийц и гадов,
поскольку кровь людей страны
они не пить, а сплюнуть рады в
любое время... На краю
Челябы, в 23.15,
они стоят, и я стою...
...И я увидел, как Гавил
копает яму, сняв пилотку,
как роет из последних сил
Челябе земляную глотку,
как появляются на свет,
допустим, глиняные гланды [13]...

Реализуя с помощью мифа происходящую вокруг действительность, поэт пытается дать голос Челябинскому поэтическому пространству, как это было сделано в Перми.

Город предстает перед читателем как гермафродит из мира хаоса:
...Челябинск с сиськами Челябины –
себя поглОтит-поглОтит
изнанкой самопальной ямы,
не потому что он/она –
Она и Он [13]...

Обыгрывание мужского и женского часто встречается в текстах В. Кальпиди о Челябинске. В стихотворении «Шамаханское время» женщины наделены брутальными чертами, свойственным скорее мужчинам:

...Уцелевшие женщины в мире уральских людей
различимы, поскольку у них к завершению дня

из небритых подмышек солёный свистит соловей,
то есть свист соловья [24]...

В описании образов женского тела В. Кальпиди часто прибегает к гротескной эстетике безобразного. Создавая подобные образы, автор обращается к карнавальной культуре М. М. Бахтина, которой свойственны «крепкие» слова: «Челябинск население мацает» [13], «Факелы как факела, шипят от собственного зуда» [13]. Миф в данном случае обращается к приемам народной культуры, фольклора, гротеску и поэтике абсурда с целью описания сознания личности. Поэт, превращая объективную реальность в фантасмагоричный неомиф, опирается на народную смеховую культуру, где сложное мироустройство упрощается при контрастном освещении.

Книга «Хакер», получившая премию им. Б. Пастернака, писалась два года (2000–2001 гг.) и вышла в свет в Челябинске в 2001 г. Одновременно с публикацией «Хакера» в Лондоне был напечатан CD под названием «Непорочное восприятие» («Immaculate Perception») с избранными текстами из книг «Хакер» и «Ресницы» в исполнении автора и вокалистки/переводчицы Алисии (Alicia). По мотивам этого чтения английским композитором Марком Левинталем (Mark Leventhall) была написана большая музыкальная композиция, давшая название всему альбому. Общероссийская презентация книги и CD прошла в рамках Второго Международного фестиваля поэтов, который состоялся в Москве в октябре 2001 года.

В «Хакере» образ автора не столь ярко выражен. Поэт отходит в сторону, не спеша раскрывать тайну своего лирического героя. Поэт-материалист показывает мир в единстве всех реальностей, а значит и мир автора оказывается сопричастным к этому единству:

Это страх одиночества не.

Это песенка нежности о.

Нам бежать по своей тишине

окончания августа до.

И душа не нужна мне, она
по природе своей велика,
я же – просто стою у окна,
и узка моя жизнь, и легка...

В луже голубь сиреневый спит,
неестественно лапку загнув,
вот и сердце уже не болит:
отпустило, наверное, – уф-ф [26]...

Даже если лирический герой неотделим от окружающего его мира, перед нами – лирический монолог, в котором особенно ценным становится само авторское слово, а изображенная реальность зависит от индивидуального, личностного взгляда поэта на мир.

Поэт продолжает выпускать книги стихов: «Контрафакт» (Москва, 2010 г.), «В раю отдыхают от Бога» (Челябинск, 2014 г.), «Избранное = Izbrannoe» (Челябинск, 2015 г.), «Русские сосны» (Челябинск, 2017 г.), «Философия поэзии» (Челябинск, 2019 г.), «Густое. Книга поэзии. Кабинетный ученый» (Москва – Екатеринбург, 2020 г.)

Следует рассматривать В. О. Кальпиди не только как поэта, но и как культуртрегера. Его проект Уральская поэтическая школа (УПШ) создан для формирования поэтического кластера – Челябинск-Пермь-Екатеринбург с примыкающими к ним городами.

Первый составленный им сборник антологии «Современная уральская поэзия» вышел в свет в 1996 году [3]. Второй том был опубликован через семь лет, в 2003 году и включил в себя пятьдесят семь имен, что значительно превосходит первую книжку. В 2004 г. за «Круглым столом» с участием А. Вознесенского, Д. Кузьмина, Д. Давыдова, Д. Пригова Уральское поэтическое движение (УПД) было признано литературным направлением, поэтической школой. В 2011 г. вышла третья

книжка антологии. Новые имена, новые взгляды, новые формы тесно переплелись в нем со «старой школой».

Уникальный опыт критических отзывов третьего тома Антологии дал возможность высказаться поэту о поэте, а книга стала своеобразной площадкой для выработки языка новой литературной критики.

Завершающим проектом стал четвертый выпуск 2018 года, содержащий переводы зарубежных авторов уральскими поэтами.

Антология В. О. Кальпиди – это проект о проекте. В ней и биографические данные, и отзывы о творчестве поэтов, направленные на понимание замысла составителя. Неоднородность отзывов, рассчитанная то на читателя, то на филолога, делает книгу универсальной для чтения.

Три сборника, три поколения, более 150 авторов различных эстетических взглядов и художественных форм объединены идеей единого поэтического пространства.

Антология СУП представлена в свободном доступе в электронном виде на сайте www.marginaly.ru, что дает возможность ознакомиться с текстами уральских поэтов всем желающим.

На протяжении трех томов можно наблюдать эволюцию поэтов старшей школы (А. Гашек, И. Богданов, В. Дрожащих, А. Застырцев, А. Одов и др.) в их отношении к окружающему миру, а читатель рассматривается как условный элемент поэтической коммуникации. Смысл существования и поиск «я» растворяется в диалоге с абстрактным Богом, где Высшая Сила – отражение не совершенства и могущества, а равнодушия. Забытый Богом поэт сам вынужден выстраивать систему ценностей и смыслов. В этой связи очевидна религиозность мышления без религии в творчестве А. Гашека:

Ад городской свалки
гвалт вороньё галки
гниение и горенье -
общественный акт творенья... [3]

Философско-религиозный мотив у И. Богданова представлен внедрением быта в вечность. Читатель, наблюдая за героем-маргиналом по фамилии Федоров, замечает в повседневности высокое, значимое:

...Прости, что не дорос до красоты,
Что вечно пьян и что креста не знаю,
Зато я видел вечные цветы
На полпути к обещанному раю... [3]

Мотив сакральной повседневности близок к осмыслению философии телесности у В. Кальпиди, В. Дрожащих. Бездуховная телесность и богооставленность наблюдается в поэзии А. Застырцева, когда утрированная грубость становится лирической доминантой. Отсутствие Бога ведет к предательству, к исчезновению нравственности в обществе:

Большая нервная семья кромешной тьмой объята,
Глядят из тьмы поверх голов индийские слоны,
Сын поднял руку на отца, и брат идёт на брата,
И звёзд надёжные огни из окон не видны.
Перетерпев, перегорев, не выговорив слога,
Рванулись, и – дороги всех по храмам развели,
Где каждый молит своего единственного бога,
А Бог единственный для всех валяется в пыли... [3]

Тема смерти – «вечный» мотив поэзии, но в первом поколении УПШ этот мотив не окрашен надеждой возрождения, он суров, натуралистичен, на грани цинизма. Например, А. Одова в стихотворении «Смерть поэтам»:

...Может давно уже нужно поставить
Точками пули в ихних концах
Может – поэтов пора обезглавить
Или хотя бы сжигать на кострах
Нет – им наскучили казни публичные:
Бросят курвиметр, раздавят часы

Пьяные, грязные и неприличные

Сдохнут они под забором, как псы. [3]

Необходимо напомнить, что стихотворения первого сборника «Современной уральской поэзии» были созданы в начале 90-х годов и отражали реалии социальной эпохи, развал страны, девальвацию ценностей.

Представители второго поколения УПШ, открыто выражая свое «я», путешествуя по пространству его окружающему, находятся в напряженном поиске новых сюжетов и образов. Их картина мира наполнена собственной нереализованностью, невозможностью исполнения цели, как, например, у Д. Банникова:

...Мир собою представляет сферу;

Прорываться за её границу –

В космос – на подобную аферу

Мне, теряя разум, не решиться... [4]

В произведениях Е.Извариной звучит тема бессмысленности жизненного пути человека. В цитируемом фрагменте нет вопросов самоопределения, скорее, недоумение и отрицание самого смысла существования человека.

И помывший волю тростник, и полынь голубая,

И осока – озёрная соль на прохладном штыке...

Человек же – проходит, как ветер, траву нагибая,

Обрывая слова, как звезда на упрямом витке.

И прозрачный ковыль, оперяющий пешие вёрсты,

И лиловый чабрец, в каменистых морях одиссей...

Человек же – проходит, как розовый пепел с берёсты:

Назови и рассеяй... [4]

Совершенно очевиден конфликт лирического сознания поэтов второго поколения УПШ, когда стремиться ввысь нет возможности и

остается только смотреть по сторонам замкнутого пространства. Как в стихотворении Н. Бурашникова:

...В полночь глухую в старинном квартале
Мокрой листвой тополя облетали.
Ветры кричали в расщелинах зданий
До потрясения души, до рыданий.
Ни от кого я не ждал утешенья.
Жаль только было, что в час потрясения
Люди в квартирах бесчувственно спали,
А за окном тополя умирали... [4]

Второму поколению УПШ свойственна пессимистическая рефлексия. Мотив смерти встречается у каждого из авторов второй антологии. Он связан с безысходностью, равнодушием, нередко с цинизмом. Отсюда мотив тоски у Д. Кондрашова, И. Кадикова, Т. Титовой, Н. Стародубцевой, О. Дозморова. Например, И. Кадикова:

...Растирая пространство хозяйственным мылом,
Подпирая лопатками склеенный быт
И вздыхая, что так и не выросли крылья,
Ну, а может, и к лучшему. Меньше болит. [4]

Третье поколение УПШ представлено молодыми поэтами. Их отличает не столько возраст, сколько мироощущение. Новое поколение делает упор на метафорику и самодидактику [54]. Так возникает множество «микровселенных» со своими вопросами и ответами, практически не пересекающимися, как в стихотворении С. Ивкина:

Квадрат железа, тронутый травой.
Скамейка, что стояла здесь четыре
столетия. Усатый домовой
из веток перевязанных. В сортире
автовокзала чище, чем у стен.
А храм закрыт, поскольку – огороды.

Рай должен быть подробен: то есть те,
кто здесь живут, не чувствуют свободы... [5]

Тема грязи, заплеванного личного пространства, физической неполноценности, самодеструкции выражается сниженной лексикой. Не может быть поэзии без биографии, а в биографии поэта всегда присутствует трагедия или драма. Поэт – маргинал, находящийся на границе различных социальных групп и культур. Например, Е. Ионова, Е. Тиновская, М. Кротова:

Всё, что меня не убьёт,
Выйдет на утро с мочой.
К сердцу прикладывай лёд,
Вроде болит – или чё?
Вроде стучит – или как?
Росказни глупых врачей.
Выйдешь – и сам, как дурак,
Вроде бы мой – или чей? [5]
Я выйду патлатая, злая, с порожним мешком
Под низкое небо, висящее над головой,
Минуя трамвай и троллейбус, отправлюсь пешком
До дальнего бара на улице Пороховой.
На улице Пороховой отпотел тротуар,
Сугробы осели, ручьи подтопили гараж.
Ширяет любовь неотвязная, как перегар.
И тянется жизнь безразмерная, как трикотаж [5].
Меня уронила скамейка,
Меня растоптала земля,
Расплющила узкоколейка,
Трамвайным звонком веселя.
В меня влетел ветер из поля,
Мной вытерся тёплый газон,

Навстречу мне вылезли Воля
И Публий Овидий Назон.
Отчаянно крепко и пылко
Из горла выпрыгивал альт:
Меня напоила бутылка,
Мне лёг на затылок асфальт [5].

Поэзия третьего поколения эклектична, содержит отсылки то к Чаадаеву и Овидию, то «хрустит чипсами».

Разумеется, не все поэты, причисляемые В. Кальпиди к УПШ, – маргиналы, например, совсем нельзя назвать маргиналами Н. Ягодинцеву и И. Аргутину:

Из этой любви, как младенец из кори,
Я вышла вслепую. И свет, нестерпим,
Казался мне горем, немислимым горем,
Огромным и радужным горем моим.
И так же, как робко выходит младенец
К забытой песочнице в солнечный двор,
Глаза открываю, живу и надеюсь –
Надеюсь на то, что люблю до сих пор [5].
Хрупок песочный мир. Впрочем, какая разница –
мальчик ли виноват, или подружка тоже.
Он отобрал совок и, убегая, дразнится.
Так убегают миг, время и память. Позже
так убегает жизнь. И, убегая, дразнится.
Боже, как хороша, даже когда резка...
Мальчик не виноват. Это она, проказница,
бросила горсть песка [5].

Одна из особенностей антологии – это переключки авторов между собой. И если в первом томе «привет» передавался поэтам, не входившим

в состав УПШ (А. Парщикова, А. Башлачеву, А. Еременко и др.), то в третьем сборнике читатель видит своего рода диалог культур.

В рамках фестиваля «Дебаркадер» 2017 года был реализован проект А. Маниченко по созданию рецепции на стихотворение Н. Заболоцкого «Некрасивая девочка», на который было заявлено более тридцати работ из Москвы, Екатеринбурга и Челябинска. Среди участников были представители УПШ: С. Ивкин и Н. Санникова.

Переосмысливая стихотворение советского поэта, Сергей Ивкин говорит о любви, которую не останавливают препятствия в виде «жвал и жал»:

... Не верящий в прикорм и в приворот,
идешь за нею взглядом, отрицая
ее широкий лягушачий рот
и прочие излишества лица. И
легчайшее касание руки –
танцующие в небе огоньки
на спинах окружающих мерцают... [11]

Наталья Санникова находит первопричины появления «некрасивых» девочек и возможность удивительной трансформации их «в красивых», поднимая вопрос смысла материнства:

... некрасивыми девочками не рождаются,
ими становятся – благодаря родителям
и первой учительнице,
и второй учительнице,
и хихикающим одноклассницам...
... мне верить хочется, что я была красивой,
когда родила сына – вот эта история
про сосуд, в котором мерцает
невыразимая новая жизнь...

... всю жизнь я мучилась страхом
войны и страдания,
но ни разу не попыталась
сделать мир лучше и безопаснее
для наших детей... [53].

Опыт рефлексии на классическое произведение показал, что на современном этапе возможны и деконструкция, и поэтическое сотворчество.

Поэтическая рефлексия возможна на собственное творчество. Этот факт наглядно доказал А. Вавилов при помощи видеопоззии. Поэт снял семь видеороликов на стихотворения, написанные как минимум за год до осуществления своего видео-арта.

Общее движение поэтической философии УПШ сравнимо с переходом из макрокосмоса в микрокосмос. Окунувшись «микровселенную» автора, его становится легче понять, а, следовательно, поэзия усваивается с большим коэффициентом пользы.

2.2 «Пермь как текст»: мозаика пермских поэтов

Историю пермской поэзии можно рассматривать исходя из творчества В. Каменского, в котором город предстает опорным краем страны, где красавица Пермь величественно стоит на красавице Каме. Однако особенная «пермская нота» появилась в поэтическом андеграунде 80-х. и связана напрямую с землей. Пермь подземная как данность и Пермь небесная как предчувствие, – так определила их Нина Горланова [1]. Творческое сознание поэта наиболее чувствительно к мифологии земли.

У Алексея Решетова сложился необычный вариант притчи о блудном сыне: герой возвращается не к дому, а к Матери-земле:

...Опущу усталую главу:
Поздно для хорошего поэта

Я узрел подземную траву

И потоки косвенного света... [35]

Голоса В. Кальпиди, В. Дрожащих, В. Лаврентьева, открыв Пермь как поэтическую реальность на рубеже 90-х, звучали ярче других.

И. Богданов отметил:

...В Перми набился сумрачный народ

На революцию в большой обиде.

Народ кривил освобожденный рот

И говорил стихами из Кальпиди [3].

Кальпиди задал темп речи и интонацию, поэтическую рефлексю о Перми продолжили В. Раков, А. Колобянин, Г. Данской. Ее следы можно встретить в поэзии А. Субботина и Ю. Беликова.

«В творчестве Ю. Беликова поиск связи с миром – это прежде всего поиск связи с самим собой, со своей индивидуальностью. В художественном мире поэта складывается индивидуальная мифология, в системе которой сквозным оказывается мотив житнетворчества. Житнетворчество – это движение, которое порождает духовное странствие» [2].

«Наиболее типичным и устойчивым оказывается образ поэта-пророка, мотив подвижничества. Вся атрибутика этой мифопоэтической темы присутствует в творчестве Ю. Беликова: душевное смятение избранного на великое служение; осознание дара не только как блага, но и как бремени; и страх перед выбором, и трепет перед ответственностью; и право обличительной проповеди от имени Бога, и горькое прозрение не востребованности пророческого Слова в родном Отечестве, и отчаянная решимость, и сомнения, неверие в животворящую силу Слова, и ясное понимание поэзии как единственно возможной последней формы человеческой солидарности. Отсюда и притча, и проповедь, и молитва, и заклинание как основные жанры поэтического высказывания в художественной вселенной Ю. Беликова. Именно в жанре притчи

осуществляется в его стихах нелюбимый суд над историей и современностью. Отсюда и тема неслыханной фальши современного мира, тема подмены смыслов, фальсификации, «сглаза бытия», в конечном итоге, развоплощения реальности, когда буквальным становится ощущение исчезающей под ногами почвы» [2]:

Мы все эмигранты, какой, не припомню, страны.

И рады бы съехать, да только откуда съезжать?

Ушла из-под ног, даже топи её не видны.

«Ни пяди!», – кричали. А где эта самая пядь?... [8]

У поэта часто встречается мотив сложных отношений родины-матери к нелюбимому сыну.

...Съезжал я в Потьму, уходил во тьму –

который путь в отечество короче?

Но Родину я видел потому,

что мне она выкалывала очи! [8]...

В основе стихотворений Ю. Асланьяна лежит проза жизни. Стоицизм и духовная твердость, душевная нежность и бескомпромиссность составляют базис его художественного мира. В его поэтическом почерке внимание уделено деталям и подробностям, а реальность состоит из мелочей и противоречий. По этой причине автор часто нарушает ритмику стиха, добавляет разговорную интонацию, использует «не стилевые» слова. Судьба его лирического героя не отделима от истории и культуры народа, автор ведет рассказ от лица целого поколения:

Объявляют подъём. И тревожные сумерки утра

обступают уголья костра – караулом как будто.

Под конвоем идём или ходим в колодках под Богом?

Ойкумена моя окаянная с лагерным сроком...

... Слышу: прошлое рушится снегом Великой Перми
и скрипят на архангелах, будто полозья, ремни ... [6]

Молодое поколение пермских поэтов, чувствуя боль представителей старшей школы на генетическом уровне, хотя не знакомы ни с «железным занавесом», ни с эвакуацией, создают образ города-ловушки, города-тюрьмы, столь характерный для андеграундной поэзии Перми 80-х.

Герой О. Роленгоф предстает перед читателем, вызывая древнее inferнальное чудовище-Пермь на поединок:

...Подними-ка, Пермь, свое забрало,
Каменный заиндеветший гость,
Вот глазницы показать пришлось –
Этого-то ты не ожидала!
В глине потонувшие следы
Ног военнопленных – обреченных,
Сосланных, рабочих, заключенных,
Все проговорили б до звезды.
Если бы земля умела петь,
Эти песни нашу душу б рвали,
Здесь она не устает болеть,
Это ад – он прямо перед нами [36]...

В произведении И. Козлова присутствует мотив обреченности лирического героя, его поглощает одиночество в городе-ловушке:

Не отвлекаясь на мелочи, надо думать о том, что важнее:
Вроде ногти всё время пострижены, зубы целы, карма чиста.
Но всё равно колесо моих бесконечных перерождений
Вряд ли раскрутится за пределы Красавинского моста,
Здесь принято отрубать себе руку для постижения дзена,
Здесь ни одно направление никогда никуда не ведёт,
Здесь вас готовы выслушать исключительно стены,
Здесь дребезжит костяной крошащийся небосвод.
Убранный снег самосвалы сгружают на снежной свалке,
Где снежная мафия держит бесправных снежных рабов.

Любой, кто находится здесь, – в какой-то степени сталкер.

Мне кажется, этот город решительно нездоров.

Его потроха вылеплены из кирпича и картона,

А у меня вообще пустота скрывается под пальто.

И один из нас реципиент, а другой, однозначно, донор,

Хотя я до последнего не смогу понять, кто есть кто. [5]

Несмотря на «чистую карму», герой, будто сталкер, блуждает в замкнутом и бесперспективном «нездоровом» пространстве бытия, но чувствует связь с самим городом: «один из нас реципиент, а другой донор», то есть пока существует один, будет жить и другой.

Мотив «больного» города связан с мотивами холода и смерти. Так, в текстах А. Бахарева-Черненко герой оказывается запертым в пространстве куда меньшим, чем город. И если принято считать мотив дороги символом жизни, то автобус с мертвым водителем ведет в никуда, а пассажир обречен:

Холодно в Перми, холодно,

Нет холоднее города.

Нет холоднее автобуса,

Чем пятьдесят четвёртый.

Где застыл на сидении

Я в одревенении;

Не подаёт шофёр голоса –

Наверное, он мёртвый... [7]

Молодые авторы развивают диалог с пространством города, ориентируясь на представителей старшего поколения пермской поэтической школы, но выстраивают с ним собственную историю отношений.

2.3 «Я всех любил. Без дураков»: творчество Б. Рыжего

Появление нового поколения поэтов 1990-2000-х связывается с традиционными ритмами динамики искусства слова и с глобальным культурным кризисом, поставившим литературу перед новыми вызовами. Творчество «молодых» в этом контексте отражает масштабность перемен, особенности переходного художественного мышления, возникновение новых видов искусства и субкультурных феноменов.

Необходимым условием формирования литературного поколения как общности является четкое самоопределение, возникновение единой культурной программы или вектора рецепции и интерпретации изменившегося мира. Самоопределение обостряет экзистенциальные вопросы, на которые новая генерация пытается ответить. Они касаются как определения собственной идентичности, так и прояснения роли искусства и диалога с традицией в условиях культурного кризиса. Именно выявление особенностей экзистенциального сознания может стать действенным критерием оценки достижений, новаторства, слабых сторон, векторов поиска поколения. К лидерам поэтического «поколения 90-х» относится Борис Рыжий (1974-2001гг.), чье творчество широко признано (посмертная книга стихов удостоена премией «Антибукер» и «Северная Пальмира»), а сама фигура провинциального самородка, бунтаря и трагического самоубийцы начинает мифологизироваться по образцу жизни Сергея Есенина.

Борис Борисович Рыжий родился 8 сентября 1974 в Челябинске, а в 1980 году переехал в Свердловск. Первая публикация состоялась в номере «Российской газеты» в 1992 году.

Традиционно в литературоведении одним из конститутивных элементов художественного мира считается пейзаж. Детство поэта прошло на окраине заводского района, отсюда индустриальные образы, а Б. Рыжий – певец урбанистического мира:

Приобретут всеевропейский лоск
слова трансзиатского поэта,
я позабуду сказочный Свердловск
и школьный двор в районе Вторчермета...
...Пусть Вторчермет гудит своей трубой,
Пластполимер пускай свистит протяжно.
А женщина, что не была со мной,
альбом откроет и закурит важно [4]...
...Гремят КамАЗы, и дымят заводы.
Локальный Стикс колышет нечистоты... [4]

Как отмечал Ю. Л. Лобанцев, аттрактивность элементов стихотворения – залог успеха. Б. Рыжий употреблял в текстах реальные топонимы, учитывал хронологию событий в стране и городе, использовал реальных лиц исторического и литературного характера. Жизнеспособность таких достоверных текстов была значительно выше.

Биографические этюды поэта на деле оборачивались полноценными картинками с участием реальных людей: поэтов-современников, продавцов, соседей, одноклассников. Например, стихотворение «Путешествие»:

... Читали наизусть Виталия Кальпиди.
И Дозморов Олег мне говорил: «Борис,
тут водка и икра, Кальпиди так Кальпиди.
Увы, порочный вкус. Смотри, не матерись» ... []

Поэт не оставляет без внимания природные номинации. В стихотворении «Осень» природа очерчивает пространственно-временные координаты, является самостоятельным художественным образом наравне с лирическим героем, формирует сюжет и устанавливается единение человека с природой.

Уж убран с поля начисто турнепс
и вывезены свёкла и капуста.
На фоне развернувшихся небес

шёл первый снег, и сердцу было грустно.

Я шёл за снегом, размышляя о
бог знает чем, берёзы шли за мною.

С голубизной мешалось серебро,
мешалось серебро с голубизною. [4]

Природа здесь выступает в роли высшей силы, способной вернуть изначальный порядок миру. Это становится возможным благодаря актуализации символической семантики природных явлений. Лирический герой адекватно воспринимает природный мир и вступает с ним в диалогические отношения для осмысления бытийных вопросов.

Раннее творчество Б. Рыжего можно разделить на «петербургскую» и «уральскую» линии, где первой соответствует традиция культурной столицы с «музЫкой», а вторую наполняют юность, двор и соседи-алкаши. Со временем эти линии соединяются, поэт срастается со «Вторчерметом», а петербургские мотивы растворяются в интонации стиха:

Так гранит покрывается наледью,
и стоят на земле холода, –
этот город, покрывшийся памятью,
я покинуть хочу навсегда.

Будет теплое пиво вокзальное,
будет облако над головой,
будет музыка очень печальная –
я навеки прощаюсь с тобой.

Больше неба, тепла, человечности.

Больше черного горя, поэт [46]...

В стихотворениях конца 90-х Б. Рыжий отказывается от «блатной ноты» и сниженной лексики. Ощутимо меняется тональность произведений поэта. Самоирония и ребячество идет на спад, становится все больше щемящей душу тоски:

Я зеркало протру рукой
и за спиной увижу осень.
И беспокоен мой покой,
и счастье счастья не приносит... [45]

Можно рассматривать поэзию Б. Рыжего в разрезе сотворчества и культурологической игры с читателем. Его стихотворения поражают читателя обилием литературных отсылок от античности до ренессанса, при этом автор переносит известные образы в реалии Свердловска:

... Был бы я умнее, что ли, выше ростом,
умудренней горьким опытом, мудаки,
я сказал бы что-то вроде: «Постум, Постум...»,
как сказал однажды Квинт Гораций Флакк'... [43],
Овидий, я как ты, но чуточку сложней
судьба моя. Твоя и горше и страшней.
Волнения твои мне с детских лет знакомы.
Мой горловой Урал едва ль похож на Томы... [42],
Жалея мальчика, который в парке
апрельском промочил не только ноги,
но и глаза, – ученичок Петрарки, –
наивные и голые амуры,
опомнившись, лопочут, синеоки
– Чего ты куксишься? Наплюй на это.
Как можно убиваться из-за дуры?
А он свое: «Лаура, Лаурета...» [40]

В поэзии Б. Рыжего встречается множество аллюзий и реминисценций на произведения русских классиков XIX-XX вв. Ф. Сологуб пророчил, что новым Пушкиным станет тот, кто сумеет обворовать своих предшественников и современников. Многоуровневая интертекстуальность текстов Б. Рыжего обусловлена его поэтическим

воспитанием. Перенимая опыт, стиль, метроритмику и музыкальность предтеч, поэт создавал свои уникальные образы.

Так, на примере «Сороковых, роковых» Д. Самойлова появляется парафраз Б. Рыжего «Восьмидесятые, усатые», где поэт, не стесняясь в выражениях, создает картину своей юности. В данном случае стилизацию следует рассматривать как целенаправленное воспроизведение известного чужого текста в контрасте современности.

Автор анализировал произведения поэтов-классиков и применял рефлексивный опыт на практике. К примеру, стихотворение «Ночь, улица, фонарь, аптека...» А. Блока:

...Я не настолько верю в слово,
Чтобы, как в юности, тогда,
Сказать, что всё начнётся снова.
Ведь не начнётся никогда. [44]

Б. Рыжий учился поэтизации прозы у Б. Слуцкого, так появилась зарисовка о детстве «Двенадцать лет. Штаны вельвет...». Без внимания не осталось творчество С. М. Гандлевского, чему свидетельствует цитон, составленный из строк поэтов:

Вот и стал я горным инженером,
Получил с отличием диплом.
Не ходить мне по осенним скверам,
Виршей не записывать в альбом.
Больше мне не баловаться чачей,
Сдуру не шокировать народ.
Молодость, она не хер собачий,
Вспоминаешь – оторопь берет. [41]

Поэт высоко оценивал творчество И. Бродского и посвятил его памяти некоторые стихотворения: «Прощай, олимпиец, прощай навсегда», «Слов не нахожу, а гляжу на Неву...», «Памяти И. Б.», «Памяти поэта». Б. Рыжий подражал И. А. Бродскому, Е. Рейн отмечал этот факт и

признавал в свердловском поэте талант. Параллели творчества И. Бродского и Б. Рыжего отражены в работах А. Ю. Полторацкой, Н. Л. Быстрова, Т. Г. Кучиной и др.

Поэт погружал свои стихотворения в реальность, совмещал цитаты с бытовым просторечием, в результате чего у читателя рождался ассоциативный ряд образов, знакомых еще со школьной скамьи. Интертекстуальность текстов Б. Рыжего рассмотрена в статьях Е. А. Смышляева, Л. Л. Бельской, А. Г. Казанцева и др.

Результатом яркой, но очень короткой поэтической жизни Б. Рыжего стали более тысячи стихотворений, которые переведены на иностранные языки. Тексты поэта вдохновили московского режиссера Я. Видонова на создание спектакля «Бандиты и поэты», а уральского режиссера А. Вахова на театральный перформанс «Рыжий», стали песнями благодаря С. Никитину.

Герои Б. Рыжего никогда не решали сложных вопросов, они просто жили. В стихотворениях поэта не было скрытых смыслов и подтекстов, революционных лозунгов, жажды власти или влияния. Б. Рыжий писал, а его труды читали не только «в кварталах дальних и печальных», потому что он был понятен и честен с собой и читателем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе рассмотрения динамики жанров и стилей уральской поэзии мы пришли к следующим выводам:

1. Уральской поэзии советского периода свойственен образ рабочего-труженика и мотив сакрального труда, дружбы, веры в правое дело. Неотъемлемой составляющей поэзии советского Урала выступают природные образы и явления – горы, лес, реки, озера, та самая «малая родина», которая притягивает своей красотой.

Именно эти образы и мотивы нашли отражение в творчестве Б. А. Ручьева, М. М. Люгарина Л. К. Татьянической. Жанровое многообразие их поэзии представлено балладами, поэмами, лирическими миниатюрами, очерками, посланиями, стихотворными циклами.

2. На рубеже XX-XXI вв. связь современных авторов с советской поэзией сужается, проявляются урбанистические мотивы, когда город становится отрицательной точкой отсчета. Появление нового поколения поэтов 1990-2000-х связано с новыми ритмами, ускоряющейся динамикой искусства слова и с глобальным культурным кризисом, поставившим литературу перед новыми вызовами. Творчество «молодых» в этом контексте отражает масштабность перемен, особенности переходного художественного мышления, возникновение новых видов искусства и субкультурных феноменов.

Отказавшись от поэтических образов труда, авторы все чаще обращаются к философской, экзистенциальной рефлексии, связанной с темой поэта и поэзии.

Современная уральская поэзия, опираясь, зачастую отталкиваясь от произведений советских классиков, демонстрирует способность к сотворчеству и одновременно к деконструкции советского культурного опыта. Рефлексия на классические образцы способна подарить читателю

совершенно новое произведения, в корне отличающееся от замысла автора-предшественника.

3. Уникальным феноменом рубежа XX-XXI вв. является проект Уральская поэтическая школа (УПШ), у истоков которого стояли В. О. Кальпиди, В. Я. Дрожащих и А. Ю. Санников. Со временем УПШ преобразовалась в Уральское поэтическое движение (УПД), так как традиционной поэтической школы в основе проекта не было, был расширяющийся круг единомышленников. За три десятилетия существования проекта изданы 4 антологии СУП, Энциклопедия, проведено множество презентаций, конкурсов, научная конференция.

Уральское поэтическое движение демонстрирует преемственность поколений и дружеские связи участников, которые подчеркиваются стихотворениями-посланиями и посвящениями в виде заголовочных комплексов. Одновременно отчетливо проявляются различия пермской, екатеринбургской и челябинской "школы". Многочисленные тексты, представленные в квалификационной работе, свидетельствуют о многообразии эстетических взглядов и творческих практик современных уральских поэтов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В. Пермская нота / В. Абашев // Арион. – 1999. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1999/4/permskaya-nota.html> (дата обращения 02.02.2022).
2. Абашев В. В. Пермь как текст Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. – 404 с. – ISBN 5-8241-0234-1.
3. Антология. Современная Уральская Поэзия. Том 1. – URL: https://www.marginaly.ru/html/Antologia_1/Zaglavnaja_1.html (дата обращения 02.02.2022).
4. Антология. Современная Уральская Поэзия. Том 2. – URL: https://www.marginaly.ru/html/Antologia_2/zaglavnaja_2.html (дата обращения 02.02.2022).
5. Антология. Современная Уральская Поэзия. Том 3. – URL: https://www.marginaly.ru/html/Antolog_3/zaglavnaja_3.html (дата обращения 02.02.2022).
6. Асланьян Ю. Печорский тракт / Ю. Асланьян. – URL: https://vk.com/wall-48385623_30111 (дата обращения 02.02.2022).
7. Бахарев-Черненко А. Холодно в Перми / А. Бахарев-Черненко. – URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=176367 (дата обращения 02.02.2022).
8. Беликов Ю. Последник / Ю. Беликов // Литературная газета : [сайт]. – URL: <https://lgz.ru/article/N28--6232---2009-07-08-/B%D1%8Bty-n%D0%B5-kak-vs%D0%B59479/> (дата обращения 02.02.2022).
9. Гальцева Л. Материк, созданный тобой... /Л. Гальцев // Библиотека : [сайт]. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/A/anisimkova-margarita-kuzjminichna/kamennij-royas-1979/9> (дата обращения 02.02.2022).

10. Гальцева Л. П. В Урале Русь отражена: статьи. Очерки. Заметки. / Л. П. Гальцева. – Челябинск : Челябинский гос. ин-т культуры, 1991. – 200 с.
11. Ивкин С. – Н Е К Р А С И В А Я Д Е В О Ч К А (кавер Н. З.) / С. Ивкин // Щебень и Щебет. – Москва : Стеклограф, 2018. – 56 с.
12. Кальпиди В. О. «В тени Кадриорга». Начало русской видеопоззии. / В. О. Кальпиди. // YouTube : [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8aGxJABYUxk> (дата обращения 02.02.2022).
13. Кальпиди В. О. Вампиры позорной Челябы (желтая запись) / В. О. Кальпиди // Запахи стыда. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457243419%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).
14. Кальпиди В. О. Допустим, ты только что умер в прихожей / В. О. Кальпиди // Современная русская поэзия : [сайт]. – URL: <http://modernpoetry.ru/main/vitaliy-kalpidi-resnicu> (дата обращения 02.02.2022).
15. Кальпиди В. О. И плавала Офелия (желтая запись) / В. О. Кальпиди // Запахи стыда. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457243379%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).
16. Кальпиди В. О. Как бы это Вам рассказать / В. О. Кальпиди // YouTube : [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wvZB2R2gwWs> (дата обращения 02.02.2022).
17. Кальпиди В. О. Мушиный танец звезд, на всё, на всё похожий / В. О. Кальпиди // Ресницы. – 1997. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457243233%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).

18. Кальпиди В. О. О, сад / В. О. Кальпиди // Мерцание. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457243174%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).
19. Кальпиди В. О. Он не ревнует, а тебя влечет / В. О. Кальпиди // Ресницы. – 1997. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457243285%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).
20. Кальпиди В. О. Пейзаж за городом / В. О. Кальпиди // Пласты. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457242618%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).
21. Кальпиди В. О. Пермь (1982) / В. О. Кальпиди // Пласты. – URL: https://vk.com/wall102211838_10431 (дата обращения 02.02.2022).
22. Кальпиди В. О. Прогулка / В. О. Кальпиди // Пласты. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457242460%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).
23. Кальпиди В. О. Стихотворение (желтая запись) / В. О. Кальпиди // Запахи стыда. – URL: https://vk.com/wall564913067_1512 (дата обращения 02.02.2022).
24. Кальпиди В. О. Стихотворение (желтая запись) / В. О. Кальпиди // Запахи стыда. – URL: <http://modernpoetry.ru/main/vitaliy-kalpidi-zapahi-styda> (дата обращения 02.02.2022).
25. Кальпиди В. О. Стихотворение / В. О. Кальпиди // Ресницы. – URL: https://vk.com/v.kalpidi?z=photo564913067_457243343%2Falbum564913067_00%2Frev (дата обращения 02.02.2022).
26. Кальпиди В. О. Это страх одиночества не / В. О. Кальпиди // Антология современной уральской поэзии : [сайт]. – URL: https://www.marginaly.ru/html/Antologia_2/024_kalpidi.html (дата обращения 02.02.2022).

27. Крохалева Т. Н. Литература России. Южный Урал / Т. Н. Крохалева, Т. В. Соловьева, Л. И. Стрелец. – Челябинск : Взгляд, 2003. – 447 с. – ISBN 5– 93946–044–5.
28. Кузин Н. Г. Поэзия рабочего Урала. (Литературно-критические очерки) / Н. Г. Кузин. – Москва : Современник, 1974. – 126с.
29. Люгарин М. М. Магнитострой / М. М. Люгарин // Сборник русской поэзии Лирикон : [сайт]. – URL: <https://liricon.ru/magnitostroj.html> (дата обращения 02.02.2022).
30. Люгарин М. М. Стихотворение / М. М. Люгарин // Лирика моих лет. – 2007. – URL: http://lit.lib.ru/l/ljugarin_m_m/text_0020.shtml (дата обращения 02.02.2022).
31. Люгарин М. М. Наша сталь / М. М. Люгарин // Любовь заветная. – 2007. – URL: http://lit.lib.ru/l/ljugarin_m_m/text_0010.shtml (дата обращения 02.02.2022).
32. Маркова Т. Н. Культурный проект В. Кальпиди «Уральская поэтическая школа» / Т. Н. Маркова // XX Уральские Бирюковские чтения. Краеведческие поиски и находки. – 2013. – № 20. – С. 134–137.
33. Маркова Т. Н. Песня об Урале : очерк творчества Людмилы Татьяничевой / Т. Н. Маркова. – Челябинск : Изд-во ООО «Энциклопедия», 2015. – 173 с. – ISBN 978-5-91274-279-8.
34. Масленникова З. Портрет поэта / З. Масленникова // Литературная Грузия. – 1979. – № 4. – С. 140.
35. Решетов А. Л. Стихотворение / А. Л. Решетов // Стихи.ру : [сайт]. – 2003. – URL: <https://stihi.ru/diary/tberezkina/2018-10-27> (дата обращения 02.02.2022).
36. Роленгоф О. Патриа / О. Роленгоф // Стихи.ру : [сайт]. – 2003. – URL: <https://stihi.ru/2014/09/30/2468> (дата обращения 02.02.2022).
37. Ручьев Б. А. Стихотворение / Б. А. Ручьев // Lib.ru. Современная литература : [сайт]. – 2006. – URL: http://lit.lib.ru/r/ruchxew_b_a/text_0120.shtml (дата обращения 02.02.2022).

38. Ручьев Б. А. Стихи о далеких битвах / Б. А. Ручьев // Lib.ru. Современная литература : [сайт]. – 2006. – URL: http://lit.lib.ru/r/ruchxew_b_a/text_0150.shtml (дата обращения 02.02.2022).
39. Ручьев Б. А. Прощание с юностью / Б. А. Ручьев // Lib.ru. Современная литература : [сайт]. – 2006. – URL: http://lit.lib.ru/r/ruchxew_b_a/text_0060.shtml (дата обращения 02.02.2022).
40. Рыжий Б. Жалей мальчика / Б. Рыжий // Стихирус – с успехом по жизни : [сайт]. – 1997. – URL: <https://stihirus.ru/stihi/ryzhiy-boris/zhaleyamalchika-kotoryu-v-parke> (дата обращения 02.02.2022).
41. Рыжий Б. Молодость мне много обещала / Б. Рыжий // Культура.РФ : [сайт]. – 1997. – URL: <https://www.culture.ru/poems/14143/molodost-mne-mnogo-obeshala> (дата обращения 02.02.2022).
42. Рыжий Б. К Овидию / Б. Рыжий // Стихи.ру : [сайт]. – 2015. – URL: <https://stihi.ru/2015/05/30/6523> (дата обращения 02.02.2022).
43. Рыжий Б. Осень в парке / Б. Рыжий // Стихи.ру : [сайт]. – 2015. – URL: <https://stihi.ru/2015/05/10/6579> (дата обращения 02.02.2022).
44. Рыжий Б. Померкли очи голубые / Б. Рыжий // Асбука Литературы : [сайт]. – 1999. – URL: <https://www.askbooka.ru/stihi/boris-ryzhiy/pomerkli-ochi-golubye.html> (дата обращения 02.02.2022).
45. Рыжий Б. Стихотворение / Б. Рыжий // Стихи.ру : [сайт]. – 2015. – URL: <https://stihi.ru/2015/05/03/1891> (дата обращения 02.02.2022).
46. Рыжий Б. Так гранит покрывается наледью / Б. Рыжий // РуСтих : [сайт]. – 2015. – URL: <https://rustih.ru/boris-ryzhij-tak-granit-pokryvaetsya-naledyu/> (дата обращения 02.02.2022).
47. Татьяничева Л. К. Баллада о доброте / Л. К. Татьяничева // Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. Стихотворения : 1964–1976 / сост. и подготовка текста Н. Смелянского. – Москва : Худож. лит., 1986. – С. 526.

48. Татьяначева Л. К. Колодцы / Л. К. Татьяначева // ГородСтих.ру : [сайт]. – URL: <https://gorodstih.ru/tatyanicheva/kolodtsy> (дата обращения 02.02.2022).
49. Татьяначева Л. Круги / Л. К. Татьяначева // Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения / Л. Татьяначева – Москва : Издательство «Художественная литература», 1976. – С. 58.
50. Татьяначева Л. К. Лирические стихи / Л. К. Татьяначева. – Москва: Худож. лит., 1964. – С. 4–5.
51. Татьяначева Л. К. Мастер / Л. К. Татьяначева // ГородСтих.ру : [сайт]. – URL: <https://gorodstih.ru/tatyanicheva/master> (дата обращения 02.02.2022).
52. Татьяначева Л. К. Урал / Л. К. Татьяначева // Школьная пора : [сайт]. – 1949. – URL: <https://shkolnaiapora.ru/stixi/ctixi-pro-ural.html> (дата обращения 02.02.2022).
53. Санникова Н. Стихотворение. / Н. Санникова // Литературные проекты. Воздух. – 2018. – № 36. – URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-36/unpretty-girl> (дата обращения 02.02.2022).
54. Сафронова Е. Современная уральская поэзия. / Е. Сафронова // Знамя. – 2012. – № 12. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/12/sovremennaya-uralskaya-poeziya-antologiya.html> (дата обращения 02.02.2022).
55. Уральская поэтическая школа. Энциклопедия // Антология современной уральской поэзии : [сайт]. – URL: https://www.marginaly.ru/html/Vsjachina/Vsjachina_zaglav.html (дата обращения 02.02.2022).